

К.А. ГАВРИЛОВ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ РИСКА

Социологический подход к анализу риска, или социология риска, как отечественная дисциплина находится на начальной стадии формирования [10, 11, 15, 16, 24]. Среди множества проблем, связанных с дисциплинарной институционализацией, — соотношение ее с теоретической социологией. Важно также определить, какие из общепризнанных рискологических подходов содержат «социологические элементы»¹. В статье предлагается одно из возможных направлений поиска ответов на указанные вопросы.

В качестве исходных, не требующих проверки, мы принимаем два взаимосвязанных допущения: (1) не существует фундаментального разрыва между теоретической социологией и частными социологическими дисциплинами; (2) «непрерывность» социологического знания, в частности неразрывность «отраслевых» социологий между собой, а также непрерывность между ними и теоретической социологией, обеспечиваются существованием неких общих «базовых предположений» о социальной реальности, совокупность которых мы будем обозначать термином «социологическая исследовательская программа» по аналогии с «научно-исследовательскими программами» И. Лакатоса [12]². Одна из проблем заключается в том, что в социологии существует несколько различных классификаций исследовательских программ. Мы будем придерживаться классификации, предложенной И. Девятко: натурализм, интерпретативная программа, функционализм и структурализм³ (см. табл.).

Гаврилов Кирилл Андреевич — научный сотрудник сектора социальных проблем риска и катастроф Института социологии РАН. Адрес: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5. Телефон: (495) 128–76–51. Электронная почта: gavrilov@socio.msk.ru

¹ Представляется очевидным, что социология риска не могла возникнуть «с нуля». В ее основе лежит ряд положений, сформулированных, в частности, в течение всего периода научных исследований риска (О. Ренн считает, что такие исследования начались с середины XX века [17], а О. Яницкий говорит о, по меньшей мере, столетней истории [24]). Вопрос в том, как выявить «социологические элементы» в подходах к анализу риска, которые были предложены представителями других научных дисциплин.

² Детальный анализ причин отказа от использования термина «парадигма» невозможен в рамках данной статьи. Отметим лишь, что главная причина связана с многозначностью его использования как самим Т. Куном, так и рядом социологов (убедительный пример критики см. в [34, 35, 40]).

³ Подробнее о типах исследовательских программ, их характеристике см.: [8, с. 44–78]. Приведенная классификация во многом обусловлена подходом Дж. Александера, согласно которому в ее основе должны находиться базовые

Таблица

Классификация исследовательских программ⁴

	Идеализм (субъективизм)	Материализм (объективизм)
Индивидуализм	<i>Интерпретативная программа</i>	<i>Натурализм</i>
Холизм	<i>Функционализм</i>	<i>Структурализм</i>

Признавая, что все они имеют сложную структуру и опираются на разные объяснительные модели, мы все же будем в аналитических целях считать эти программы самостоятельными и внутренне однородными⁵. Это позволит рассмотреть существующие подходы к анализу риска через призму социологических исследовательских программ, благодаря чему мы предполагаем выделить социологические элементы в различных подходах, а также сформулировать ряд положений теоретического характера, которые представляются значимыми именно для социологии риска⁶.

Натурализм в исследовании риска

В качестве отправной точки возьмем, с одной стороны, программу натурализма, в основе которой лежит тезис о единстве целей, методов и теоретической логики социальных и естественных наук, а с другой — «естественнонаучный», или «математический» подход к анализу риска⁷. В рамках последнего риск рассчитывается как произведение объективной величины последствий на объективную вероятность их появления⁸. Мы полагаем, что «естественнонаучный» подход имеет лишь косвенное отношение к натурализму в социологии,

предположения о природе социального действия и способе его объяснения [27]. И. Девятко пишет о таких базовых предположениях, как индивидуализм-холизм и субъективизм-объективизм (идеализм-материализм).

⁴ Источник (с изменениями): [8, с. 61–62].

⁵ Вышеприведенная классификация программ, хотя и выведенная иным способом, приблизительно соответствует классификации «парадигм» Дж. Ритцера. Функционализм близок парадигме «социальных фактов», интерпретативная программа — парадигме «социального определения», а натурализм — парадигме «социального поведения». Дж. Ритцер не выделяет отдельной парадигмы, которая бы соответствовала бы программе структурализма [18, с. 571–572].

⁶ Мы придерживаемся точки зрения, согласно которой первостепенное значение для дисциплины имеет не определение ее предметной области, но формулировка тех проблем, которые предстоит этой дисциплине решить.

⁷ О. Ренн называет этот подход «техническим направлением» исследования риска [17, с. 85].

⁸ Корни представлений о вероятностной природе риска восходят к работам XVII–XVIII вв. Паскаля, Бернулли, Лапласа и др. (см., например: [29]). Надо сказать, что подобное определение риска нельзя считать «устаревшим». Так, отечественные исследователи А. Быков и Н. Мурзин утверждают, что риск «состоит из двух компонент: размера последствий воздействия и их вероятностей» [3, с. 93]. Н. Луман отмечает, что «еще и поныне риск вычисляют путем перемножения степени ущерба и вероятности ущерба» [13, с. 144].

поскольку не включает субъекта действия. «Включение» субъекта действия в естественнонаучное определение риска осуществляют, в частности, экономисты. Мы связываем с допущениями программы натурализма подходы, имеющие отношение к экономическим теориям поведения людей в условиях риска, в частности, к «теории ожидаемой полезности»⁹, согласно которой индивид при выборе альтернатив исходит из исчисления вероятностей и объемов их негативных последствий (выраженных, например, в денежных единицах)¹⁰. Отметим, что «экономические подходы» являются частным случаем модели рационального действия, соответственно, к ним может быть отнесена большая часть критики данной модели¹¹. Среди значимых вопросов, возникающих при рассмотрении «экономических подходов» с позиций социологической программы натурализма, можно выделить следующие. В какой степени модели, основанные на указанных допущениях (в том числе с учетом корректировок, предложенных, в частности, Д. Канеманом и А. Тверски [37]), могут быть применены для изучения реального поведения индивидов в условиях риска? Если эти модели могут быть применены, то какой прогностической силой они обладают? Возможно ли расширение «диапазона применимости» данных подходов, то есть распространение их на области, непосредственно не связанные с экономической сферой? Подчеркнем, что специфической чертой «экономических подходов» является рассмотрение затрат (издержек) и приобретений как измеримых величин, которые могут быть каким-то образом сопоставлены. Ясно, что разные виды и степени ущерба едва ли возможно расположить на некоторой единой шкале, скажем, «полезности»¹². Кроме того, существенный

⁹ Пример экономического подхода см. в [20]. Фридмен и Севидж предлагают объяснять отношение людей к риску при помощи доработанной версии теории ожидаемой полезности. Они исходят из того, что люди должны или могут выбирать из альтернатив, отличающихся, помимо прочего, степенью связанного с ними риска. Например, человек, который боится себя от пожара, предпочитает потерю небольшой суммы денег комбинации малой вероятности гораздо большей потери и большой вероятности обойтись без потерь.

¹⁰ Однако неправомерно было бы сводить подходы, основывающиеся на подобных допущениях, только к «экономическим». Часто именно такая модель подразумевается исследователями, работающими за пределами экономического подхода. Так, отечественные исследователи-рискологи Ю. Воробьев и Т. Малинецкий пишут, что риск сочетает в себе вероятность неблагоприятного события и объем этого события. «Эти две как бы “элементарные” меры взаимосвязанно фигурируют в мозгу субъекта при его действиях в условиях неопределенности, в условиях опасности. Строя комбинации этих элементарных мер, адекватных сложившейся ситуации, субъект оценивает уровень опасности и принимает решение о последующих действиях» [5, с. 284].

¹¹ См. обобщение критики в [7, с. 32].

¹² По словам Дж. Адамса, вознаграждения «принимают различные формы: деньги, власть, слава, любовь, расположение, (само)уважение, месть, удовлетворенное

интерес представляет вопрос о том, какие макросоциальные последствия индивидуальных рисков мы должны наблюдать, если гипотеза об истинности указанной модели действия правдоподобна. Полагаем, что «натуралистический» подход к анализу риска играет значительную роль и в «негативном» смысле, — именно он стал объектом критики исследователей, в основе взглядов которых лежат иные допущения. Во многом теории, относящиеся к другим исследовательским программам, призваны решить те фундаментальные трудности, с которыми сталкивается «натуралистический подход». Например, вопрос о том, почему люди идут на риск даже в том случае, когда рациональная калькуляция показывает, что они не должны этого делать¹³.

Отметим также, что именно программе натурализма соответствуют подходы, нацеленные на изучение «проявленных предпочтений» (revealed preferences), то есть таких предпочтений, о которых свидетельствует демонстрируемое поведение [44]. По нашему мнению, не существует принципиального различия между этим подходом и теми, которые мы обозначали как «экономические». В центре внимания находятся «веса» различных вариантов действия (альтернатив), которые предположительно и являются детерминантами индивидуальных действий. Однако если в границах экономических подходов некий «вес» имеет относительно независимое определение (скажем, «цена»), в рамках подхода, основанного на «проявленных предпочтениях», речь идет о «весах», приписываемых в результате индивидуальных выборов¹⁴. Скажем, тот факт, что туристы продолжают посещать некоторые

любопытство или просто новые ощущения (приятные для некоторых), сопровождающиеся приливом адреналина. Так и потери не могут быть измерены по единой шкале. Дорожные происшествия... могут привести как к погнутому бамперу, так и к смерти; и не существует формулы, которая могла бы помочь ответить на вопрос: сколько погнутых бамперов можно приравнять к одной смерти?» [26, р. 22]. Строго говоря, констатация данного обстоятельства — это очередное воспроизведение критики предположений маржиналистской экономики, связанных с существованием кардинальной шкалы полезности.

¹³ Ответ на этот вопрос может быть найден и в рамках экономического подхода. Он связан с постулатом о «полной информации», лежащим в основе «классической» модели рационального деятеля в экономике. Примеры «нерационального» поведения в этом случае могут быть объяснены тем, что действующий субъект не владеет «полной информацией». У данного объяснения есть ряд недостатков, один из которых связан с тем, что, по-видимому, «полной информацией» при выборе альтернатив субъекты обладают крайне редко. Иными словами, любое отклонение поведения может быть объяснено ссылкой на неполную информацию. Полагаем, что ссылки на подобные объяснения будут релевантны лишь тогда, когда мы будем иметь содержательную теорию и методологию по определению того объема информации, которой владеет действующий субъект. По нашему мнению, едва ли такая теория и методология могут быть построены на основании натуралистических допущений.

¹⁴ Нетрудно заметить, что, в сущности, никакого различия нет, поскольку «цена», рассматриваемая как результат действия «спроса» и «предложения», является также следствием индивидуальных выборов.

страны после произошедших там терактов, интерпретируется следующим образом: вклад, который «вносят» возможные теракты в оценку «привлекательности» («цены») некоторой альтернативы, незначителен. При этом не обязательно, чтобы альтернативы имели некоторую общеизвестную «количественную» оценку (например, в деньгах)¹⁵. По нашему мнению, центральные проблемы для подходов, основанных на «проявленных предпочтениях», носят не столько теоретический, сколько методологический характер. Необходимо формулировать содержательные модели, которые бы позволяли устанавливать связь между демонстрируемым поведением и «рискованностью» различных альтернатив, или видов деятельности. Иными словами, следует найти способ определения степени «рискованности» (и величину ее изменения) на основе имеющихся данных о поведении, а также основу для вывода о том, что изменение поведения вызвано факторами, связанными с риском, а не какими-то другими. Например, в приведенном выше примере с туристами посещаемость страны могла остаться на прежнем уровне не потому, что теракты оказали незначительное влияние на выбор туристами данной страны, но потому, что из-за терактов снизилась стоимость путевок, что компенсировало отказ ряда туристов от поездки привлечением людей другой категории (скажем, материально менее обеспеченной).

Заметим, что «натуралистические» элементы содержатся в некоторых «синтетических» подходах, призванных решить характерные для этой программы проблемы средствами включения допущений из других, зачастую несовместимых социологических исследовательских программ. В качестве примера можно привести модель «компенсации риска», предложенную Дж. Адамсом [25, 26]. Согласно ей индивидуальное рискованное решение (например, как переходить дорогу или есть ли гамбургер в условиях распространения коровьего бешенства) связано с «приведением в равновесие неопределенных вознаграждений с потенциальными потерями» [25, р. 2]. Полагаем, что это исходное допущение Дж. Адамса является натуралистическим. Впрочем, далее он делает существенные оговорки, которые связаны с ненатуралистическими моментами. Так, он утверждает, что

¹⁵ Это создает впечатление, что «единая шкала» предпочтений возможна (пусть, в некоторых «условных единицах»). Однако очевидно, что поведение индивидов в идентичных ситуациях различается, следовательно, агрегирование индивидуальных «проявленных предпочтений» даст лишь относительно точную оценку той или иной альтернативы. Если принять во внимание тот факт, что отдельный человек ведет себя по-разному в близких ситуациях, а также то, что ситуации никогда не бывают в точности идентичными, то ценность моделей, полученных на основе анализа «проявленных предпочтений», окажется невысокой. Впрочем, все это не должно привести к отказу от использования подхода, в основе которого лежит допущение, что для понимания поведения людей мы должны анализировать, прежде всего, само поведение, а не, скажем, ментальные состояния.

существенными являются не просто возможные, но *воспринимаемые* негативные последствия. Более того, «баланс» позитивных и негативных элементов — это характеристика, на которую влияют индивидуальные, групповые и культурные особенности. Иными словами, то, что представляется «сбалансированным» для одного индивида, может казаться чрезвычайно «рискованным» для другого. Отчасти для того чтобы ограничить степень изменчивости индивидуальных представлений о «сбалансированности», Дж. Адамс вводит понятие «культурных фильтров», заимствованное им из «культурологического подхода» к анализу риска, о котором речь пойдет ниже. Отметим, что результат, получаемый Дж. Адамсом, — это скорее не «модель», но некая «схема», с помощью которой можно интерпретировать отдельные явления, но практически невозможно делать какие-либо предсказания.

Анализ риска в контексте интерпретативной программы

В «пограничной» области между натурализмом и интерпретативной программой находится «психометрическая парадигма» исследования риска, предлагаемая П. Словиком и коллегами¹⁶. Авторы данного подхода утверждают, что изучают именно «восприятие риска», «познавательные способности» (cognition), «субъективный компонент» риска, но не реальное поведение; «высказываемые предпочтения» (expressed preferences), а не «проявленные предпочтения» [43, p. 119]. Тот факт, что акцент делается на *восприятии* рисков, по видимому, свидетельствует о ненатуралистических (скорее всего интерпретативных) элементах данного подхода. Действительно, его сторонники полагают, что восприятие риска — это совокупность представлений и суждений о нем, а также о его отдельных характеристиках, уровне приемлемости и др. Для них риск — это не «объективное», но всегда «субъективное», причем субъективные модели восприятия риска многофакторны. Факторы восприятия риска «непрофессионалами»¹⁷ могут существенно отличаться от тех, которые учитываются специалистами. Например, восприятие событий (рисков), которые носят чрезвычайный характер, не поддаются контролю, плохо известны науке и др., имеет свою специфику. Однако существует аргумент, который сближает этот подход с программой *натурализма*. По нашему мнению, «психометрическая парадигма» в действительности имеет конечной целью изучение не смыслов и значений, но некоторых *свойств опасностей*, которые принимаются во внимание действующими субъектами (хотя прямо об этом авторы не говорят). Особое внимание об-

¹⁶ См., прежде всего: [42, 43].

¹⁷ «Психометрическая парадигма» чаще всего изучает специфику восприятия риска «непрофессионалами», «неспециалистами» в противоположность «ученым», которые работают с «научными» моделями риска, в частности, для которых центральное значение имеют «вероятность» и «объем» («масштаб») последствий.

ращается на те характеристики, которые могут быть идентифицированы объективно и включены в некоторую гипотетическую модель восприятия риска «непрофессионалами»¹⁸. Впрочем, шаг, который бы позволил однозначно говорить о натуралистичности данного подхода, не делается: авторы прямо не говорят, что их целью является создание модели, которая бы предсказывала поведение людей в условиях риска¹⁹. Интересно, однако, отметить, что часто именно «поведенческие следствия» рассматриваются как соответствующие данной парадигме. Так, авария реактора в 1979 году на «Три Майл Айленд», хотя и не привела к жертвам, оказала существенное воздействие на повседневную жизнь людей, тем самым привела к существенным финансовым потерям. Такая реакция, возможно, была следствием высокой степени воспринимаемого риска, но не «объективной» его величины. Тем не менее, такие выводы, как правило, не делаются. Иными словами, у авторов отсутствуют модели, которые бы связывали реальное поведение в условиях риска с восприятием последнего. В конечном счете, здесь речь идет о проблеме, которая выходит далеко за пределы собственно изучаемой сферы: какова связь между когнитивными и эмоциональными аспектами представлений, с одной стороны, и демонстрируемым поведением — с другой.

Если же следовать логике *интерпретативной* программы, то приведенные выше рассуждения теряют смысл, так как фокусом интереса станет несколько иная проблематика. Изучение восприятия риска отдельными индивидами необходимо не для того, чтобы предсказывать поведение, но для более глубокого *понимания* происходящего. Собственно, поздние исследования сторонников «психометрической парадигмы» в большей степени стали фокусироваться на подобных проблемах. Так, для более адекватного выявления значений и смыслов была изменена методика. Если ранее речь шла о формализованном интервью, в ходе которого респонденты оценивали предложенный исследователями перечень характеристик рисков²⁰, то позже стали использоваться и различные вариации метода неоконченных

¹⁸ По этой же причине едва ли к интерпретативной программе могут быть отнесены исследования, нацеленные на изучение семантических образов рисков. Вычленение семантических образов позволяет выявить специфические типы риска, на которые люди реагируют по-разному (см., например: [38]).

¹⁹ Подобное иногда делается в синтетических подходах. В качестве примера можно привести концепцию «социального усиления риска», предлагаемую Р. Касперсоном и его коллегами [39]. В разрабатываемой ими модели влияния объективных характеристик риска на социетальные последствия (экономические, политические) существенную роль играют два элемента: «восприятие риска» (в смысле «психометрической парадигмы») и общественная реакция (как на индивидуальном, так и групповом уровне) на риск. Между этими двумя элементами предполагается наличие причинно-следственной связи.

²⁰ Исследователем были заданы не только характеристики рисков, но и их перечень.

предложений. В результате, например, было установлено, что «стигматизации» подвергаются технологии, территории, производители товаров, что оценка объекта зависит от цели его использования [43, р. 141–145]. Так, опросы американских студентов показали, что в образцах некоторых штатов доминируют представления о загрязненности окружающей среды, химических отходах и пр. Очевидно, что вопрос о том, каким образом реальное поведение в условиях риска связано с теми значениями, которые приписываются индивидом разным опасностям, явно не ставится. Скорее делается акцент на том, что для понимания рисков и реакции на них следует учитывать придаваемое им значение. Этот тезис согласуется с интерпретативной программой, сторонники которой часто в качестве лозунга используют «теорему Томаса» о том, что «если ситуация определяется как реальная, то она реальна по своим последствиям». Интерпретативная программа предполагает, что для понимания того, имеем ли мы дело с риском, нам следует описать ситуацию в «близких-к-опыту» понятиях. Заметим, однако, что перед исследователем стоит задача не только определить, представляется ли некая ситуация рискованной с точки зрения индивида, но и понять, почему это имеет место. Объяснение, в свою очередь, возможно с помощью «далеких-от-опыта» понятий [6, с. 91].

Отдельным подходом в русле интерпретативной логики является анализ повседневных рисков. Как пишут Д. Туллох и Д. Лаптон, этот подход допускает, что «понимание риска, и, следовательно, способы взаимодействия с ним и переживания его в повседневной жизни неизбежно вырабатываются благодаря принадлежности к культурам и субкультурам, равно как и в ходе личного опыта. Поэтому знания о риске являются историческими и локальными. То, что может восприниматься как “рискованное” в некоторую эпоху в определенном месте, может восприниматься иначе в более позднюю эпоху или в другом месте. В результате знания о риске постоянно оспариваются, происходят диспуты и споры о природе различных рисков, о способах управления ими и о том, кого винить за их создание» [48, р. 1]. В рамках данного подхода осуществляются «плотные описания» ситуаций риска, в результате обнаруживается многообразие измерений его восприятия. Становится ясно, что риски многомерны. Устанавливается, к примеру, что на их восприятие влияет идентичность. Например, курение может быть проинтерпретировано в терминах идентичности и группового членства²¹.

Функционализм в исследовании риска

К проблемам, которые оказываются за пределами подходов, сопряженных с интерпретативной логикой, можно отнести, в частности, неспособность объяснить, *почему* индивиды обращают внимание на

²¹ Краткий обзор интерпретативного подхода к анализу риска см. в [49, р. 10–12].

одни характеристики риска, но игнорируют другие. Также недостаточное внимание уделяется поиску некоторых фундаментальных закономерностей, которые бы могли объяснить приписывание тех или иных значений рискам. Подчеркнем, что эти недостатки связаны с самой сущностью интерпретативной программы: как правило, предполагается, что «смыслы», представления о мотивах и целях, являются достаточными для «понимания» некоторого действия²². Однако нерешенной остается проблема «идентификации смысла» действующего субъекта: на каком основании мы можем считать, что субъект вкладывает именно этот, а не какой-то другой смысл в собственное действие?²³ В рамках «психометрической парадигмы» считается, что то, что индивид говорит («высказываемые предпочтения»), — достаточное и надежное основание для определения его «подлинного» ментального состояния. Очевидно, что это не совсем так. Кроме того, не лишена смысла задача по поиску некоторых «структурных» характеристик, которые бы определяли (или, по крайней мере, ограничивали) вариативность индивидуальных «предпочтений» и «желаний». Своеобразный «выход» из указанных затруднений предлагается в рамках «культурологического подхода», правда, путем отказа от многих интерпретативных допущений.

Культурологический подход, точнее, «культурная теория» (cultural theory)²⁴, восходит к разработкам антрополога М. Дуглас и ее коллег²⁵. Интерпретативная часть этой теории связана с тем, что для понимания рисков, как у дописьменных народов, так и в современном обществе, необходимо проанализировать субъективное измерение, восприятие индивидами окружающего мира. Индивиды ведут себя в соответствии с тем, какое значение они придают отдельным элементам своего окружения. Это значение невозможно определить с «внешней» точки зрения, но лишь посредством обращения к описанию образа действия самим действующим субъектом, к «близким-к-опыту»

²² По крайней мере, в той степени, в которой интерпретативная программа восходит к предположениям, сформулированным М. Вебером [4].

²³ В нашем случае речь идет об идентификации действия в условиях риска, а также идентификации некоторого события как «рискованного» с точки зрения действующего субъекта вообще.

²⁴ В отечественной литературе отсутствует устоявшийся перевод названия данной теории. Так, В. Зубков говорит буквально о ««культурных» теориях» [10, с. 38], другие же авторы, например О. Яницкий, А. Мозговая, не склонны переводить данное название дословно. Мы будем, как правило, употреблять термин «культурологический подход».

²⁵ История подхода насчитывает уже четыре десятилетия, если за начало принять раннюю работу М. Дуглас «Чистота и опасность» (1966) [9], и более двух десятилетий, если отсчет вести от книги М. Дуглас и А. Вилдавски «Риск и культура» (1982) [33] (см. также: [46]).

понятиям²⁶. Однако индивиды, констатируют сторонники культурологического подхода, придают значение элементам окружения не произвольным образом. Так, этнографические исследования свидетельствуют о том, что набор рисков, на который обращают внимание представители различных племен, ограничен по числу элементов, но существенно варьируется по их содержанию. Это обстоятельство требует объяснения: почему те или иные риски выбираются одними индивидами или сообществами, но игнорируются другими? Для ответа на этот вопрос в общем виде привлекается логика *функционализма*²⁷. В качестве первого шага М. Дуглас вслед за Э. Дюркгеймом утверждает, что искать корни любых наших представлений необходимо в сфере социального. Согласно ее точке зрения именно от существующих институтов зависит, какие риски индивиды считают серьезными и какие поведенческие стратегии они выбирают. Посредством петли обратной связи поведенческих стратегий это приводит к тому, что эти институты сохраняются²⁸. Данную часть работы М. Дуглас можно использовать в качестве отдельного инструмента для анализа рисков в дописьменных и современных обществах. Здесь, по нашему мнению, содержится призыв искать социальные корни существующих рисков, представленные, например, в виде непосредственных угроз социальной структуре или социально-структурных особенностей изучаемого общества²⁹. Несмотря на эвристическую полезность

²⁶ В центре внимания данного подхода — убеждения и верования людей, а не объективно идентифицируемые интересы. Иными словами, акцент делается на том, в какие риски верят люди, а не на том, каковы «действительные» риски с точки зрения тех, кто обладает «более обширным познанием» (если воспользоваться языком В. Парето).

²⁷ Наиболее последовательно используемая логика функционализма изложена в книге М. Дуглас «Как мыслят институты?» [31]. Отметим, что функционализм Дуглас близок не «классическому» функционализму антропологов (например, Б. Малиновского), но его ревизии, предложенной Р. Мертоном [14]. Более того, Дуглас претендует на решение с помощью функционализма ряда проблем, возникающих при применении теории рационального выбора, не отрицая полностью последнюю.

²⁸ Можно сказать, что соответствующие риски своими определенными аспектами угрожают социальной структуре, ее функционированию. Социальную структуру предлагается рассматривать не как нечто заданное, в духе органицизма, но как нечто, постоянно создаваемое действующими индивидами, когда они «выбирают», каким образом взаимодействовать друг с другом. «Выбор» формы взаимодействия приводит к установлению определенных социальных институтов. Это, в свою очередь, ведет к тому, что действующие субъекты начинают придерживаться представлений (не только о риске), которые бы оправдывали, обосновывали и тем самым поддерживали соответствующую социальную структуру.

²⁹ Можно привести простой пример, который использовался М. Дуглас еще в ранней книге «Чистота и опасность». Колдовство — это антиобщественная сила, которую приписывают индивидам, находящимся в относительно неструктурированных областях общества. Не вписываясь в систему социальной классификации, колдуны тем самым представляют собой серьезную опасность для общества, порождают страх у его членов [9, с. 157].

данного «первого шага», имеется ряд препятствий на пути к его последовательному применению. Одно из них связано с очевидным культурным и структурным многообразием существующих обществ и сообществ, делающим проблематичным обобщения, выходящие за пределы отдельной «культуры». М. Дуглас пытается преодолеть данное препятствие, утверждая, что имеется ограниченное число типов жизнеспособных социальных структур, генерирующих отличительные типы космологий (наиболее общих представлений о мире, природе, обществе и человеке), из которых и может быть выведено специфическое восприятие тех или иных рисков. В этом и состоит «второй шаг», осуществляемый Дуглас на пути к разработке собственного метода. Для обоснования этих социальных типов, начиная с «Естественных символов» (1970) [32], разрабатывается специфическая теория «разметки и группы» (grid/group theory), согласно которой существует два независимых измерения «социального контекста». Во-первых, измерение «группы» (group), связанное со степенью принуждения, которое группа применяет к индивиду. Во-вторых, измерение «разметки» (grid), связанное со степенью разработанности системы классификации, символической системы, проясненностью социальных категорий (социальные статусы и др.). Пересечение этих измерений приводит к выделению четырех «социальных типов», «социальных контекстов», или «культур»: с низкими значениями по обоим измерениям (индивидуалистическая культура), с высоким значением по «разметке» и низким — по «группе» (фаталистическая культура), с высокими значениями по обоим измерениям (иерархическая культура), с низким значением по «разметке» и высоким — по «группе» (сектантская культура). Эти четыре типа стабильны, жизнеспособны; они образуют различающиеся космологии, которые, в свою очередь, поддерживают их стабильность³⁰. Теория «разметки и группы» представляет собой особый инструмент, который позволяет нам объяснить возникновение и развитие специфических представлений³¹. Отдельным направлением является разработка предположений, связывающих космологии и представления людей о рисках. Истоки этого направления содержатся в совместной книге М. Дуглас и А. Вилдавски «Риск и культура», а также работах М. Томпсона³². Их цель — дать характеристику «портфеля риска» каждой «культуры».

³⁰ Строго говоря, у М. Томпсона и А. Вилдавски речь идет о пяти социальных контекстах. Помимо указанных четырех, выделяется контекст *отшельника*, на существовании которого настаивает М. Томпсон в ряде статей (см., например: [45]).

³¹ В частности, в сборнике «Эссе по социологии восприятия» теория была приложена к естественным наукам (различные взгляды на природу и используемые методы познания), математике (специфика трактовок аномалий), истории (возникновение целых эпох, классов людей) и др. [36].

³² См., например: [47].

Поздние работы в этой области привнесли ряд дополнительных допущений в исходную аргументацию³³. Современная «культурная теория» претендует на объяснение таких явлений, как отсутствие согласия между различными группами населения относительно рисков³⁴. Она также пытается объяснить феномен выделения отдельными сообществами специфических типов рисков, которые представляются им наиболее важными. В более широком контексте «культурная теория» претендует на объяснение того, почему субъекты действия принимают определенные жизненно важные решения в тех или иных условиях. И, как это предполагалось изначально, «культурная теория» пытается выявить, каким образом современные риски выполняют специфические функции, связанные с сохранением существующих институтов.

Применение исследователями «культурологического подхода» на практике порождает целый ряд трудностей, многие из которых связаны с функционалистскими допущениями. По нашему мнению, центральный вопрос заключается в том, любое ли господствующее представление о риске в современном обществе может быть рассмотрено с точки зрения выполняемой им функции³⁵. Среди других проблем можно отметить проблематичность отождествления дописанных сообществ с современными обществами или группами. Серьезные проблемы возникают при попытке операционализации данного подхода, особенно входящей в его состав теории социального контекста, теории «разметки и группы»³⁶. Часто выводы о том, что сообщество

³³ См. краткое изложение в [30, р. 16].

³⁴ Это объяснение сводится к тому, что представители определенных групп являются «носителями» определенных «культур». Так, «коровье бешенство», по мнению сторонников этого подхода, воспринималось по-разному представителями различных «культур». Для «индивидуалистов» этот риск рассматривается скорее как возможность выиграть, они сторонники индивидуального решения о покупке потенциально опасного продукта. А для «иерархистов» характерен поиск авторитетов, которые бы их успокоили. В результате для них возможны прямо противоположные действия: либо массовое истребление коров, либо публичное поедание гамбургера из говядины [25, р. 34–35].

³⁵ Так, М. Шварц и М. Томпсон пишут, что «наши представления о справедливости, наше мнение о ресурсах, наше осознание потребностей, наша инженерная эстетика, наши методы обучения, наше восприятие риска, наши определения загрязнения, наши стратегии согласования потребностей и ресурсов и многие, многие другие факторы... меняются вместе с политическими культурами» [41, р. 61–62]. Действительно ли мы должны видеть в *любом* суждении о риске отражение соответствующего социального контекста? Быть может, существует *особый* класс рисков, внимание к которым сильнее? Как соотносится влияние социального контекста на отбор рисков с другими значимыми для этого факторами?

³⁶ Существует, по меньшей мере, три пути операционализации данного подхода. Первый связан с попытками объективного определения позиций индивидов по измерениям «разметки» и «группы». Второй предполагает выявление соответствующего положения индивидов, исходя из их самоотчетов. Третий нацелен на идентификацию непосредственно типов «культур» и «смещений» по господствующим

или индивиды принадлежат к определенному «культурному типу», базируются на убеждениях последних, а не на анализе социально-структурных особенностей, что приводит к тавтологическим заключениям и потере объяснительной силы первоначальной гипотезы. Существует и ряд других проблем, препятствующих применению данного подхода. Например, неясно, соответствует ли каждому индивиду некий «средний» социальный контекст (более-менее постоянный), который определяет его убеждения³⁷.

Критика культурологического подхода осуществляется и с точки зрения интерпретативной программы. Так, приведенное выше направление анализа повседневных рисков можно назвать культурологическим подходом, лишенным функционализма. Каждая культура имеет свои собственные представления о риске, которые могут соотноситься с ее структурными особенностями, но и могут вызываться специфическими эмоциями или историческим контекстом. При этом мы теряем главное достоинство «функционалистского культурологического подхода» — способность объяснять «отбор» особых рисков с помощью независимого и универсального критерия. Мы получим лишь описания и «частные» объяснения, но не выводы, согласующиеся с некоторой общей гипотезой, в нашем случае — о связи между социальным контекстом и представлениями о риске.

«Общество риска» как структуралистская концепция

Программа структурализма, на наш взгляд, является самой проблематичной³⁸. С нашей точки зрения, структурализм рассматривает социальные явления в контексте их материального окружения на индивидуальном уровне. Это окружение, как правило, эмпирически не идентифицируется. Материальные факты вычлняются лишь абстрактно, а их существование подтверждается тем, что они соответствуют происходящему на уровне эмпирической реальности³⁹. В таком

убеждениям. Какой из этих путей, с одной стороны, наиболее адекватен первоначальному замыслу, а с другой — демонстрирует наилучшие результаты?

³⁷ Непонятно, как трактовать случаи, когда индивид периодически находится в условиях противоположных социальных контекстов. Будет ли у него «постоянное смещение» убеждений независимо от контекста, в котором он находится в данный момент?

³⁸ Детальный анализ проблемы не входит в задачи данной статьи. Заметим лишь, что «структура», являющаяся «принципом объяснения» в структурализме, как правило, не только скрыта, находится за пределами видимых отношений между людьми, но и часто вообще «абстрактна», поэтому не всегда соответствует полюсу «холизм» в дихотомии «индивидуализм-холизм», который используется для вычленения структуралистской программы. Кроме того, подчеркнем еще раз, что Дж. Ритцер не выделяет эту область в качестве самостоятельной «парадигмы» [18, с. 571–572].

³⁹ Подобная исследовательская программа, как мы ее понимаем, восходит к марксистскому анализу социальной действительности, которая рассматривается как зависимая от развития материальных производительных сил и производственных отношений.

случае через призму структурализма можно рассмотреть некоторые положения концепции У. Бека об «обществе риска» [1, 2, 28], созвучные «марксистскому» структурализму⁴⁰. Предельно упрощая, можно сказать, что согласно концепции Бека производство «побочных явлений», то есть «рисков», приобретает все большее значение благодаря «чрезмерному развитию производительных сил». Он неоднократно подчеркивает, что риски — это «выражение высокоразвитых производительных сил» [1, с. 278]. Речь фактически идет о марксистской логике социальной динамики⁴¹. Именно производительные силы, лежащие в основе «реального базиса», стали генерировать риски, что производит изменение всей общественной системы не революционно, но скорее эволюционно. Впрочем, У. Бек неоднократно подчеркивает, что в обществе риска не бытие определяет сознание, а «сознание (знание) определяет бытие» [1, с. 64]. Именно этому аспекту посвящена значительная часть работы «Общество риска», в которой речь идет об изменении статуса научного знания, о специфике современной научной экспертизы, о трансформации власти и о том, что восприятие риска населением «имеет значение». Иными словами, наряду с материальными детерминантами важны и идеальные факторы, что выходит за пределы марксистской логики. Заметим, что для поздних версий структурализма характерно смещение от «материалистических» объяснений к «идеалистическим». Включая, помимо предположений о материальных детерминантах социального, «идеалистические» элементы, ядро программы модифицируется. Об этих «смещениях» свидетельствует, в частности, то внимание, которое структуралисты (или «постструктуралисты») уделяют феномену *власти* [18, с. 526]. Можно пойти дальше и выдвинуть предположение о том, что реакция индустриального общества на риск есть реакция дисциплинарного общества (понимаемого в постструктуралистском смысле, например, следуя М. Фуко [21]) на нечто, находящееся вне его контроля. Распределяя индивидов по «ячейкам», устанавливая пределы «нормального» и «ненормального» по отношению к поведению индивидов, *власть* делает то же самое и с объектами материального мира, в том числе с результатами человеческих действий⁴². Согласно одному из

⁴⁰ Мы понимаем, что это только одна из возможных интерпретаций. А. Филиппов подчеркивает, что книга У. Бека «множеством тончайших нитей... связана с немецкой и мировой социологией» [19, с. 369]. Сам Бек часто подчеркивает отличие своей концепции от теоретических построений марксистов, но это, полагаем, не является достаточным аргументом против нашей интерпретации.

⁴¹ Разница заключается, прежде всего, в том, что игнорируется прогноз К. Маркса о неизбежности социальной революции, вызванной противоречием между производительными силами общества и производственными отношениями.

⁴² Мы не знаем, какая логика здесь *первична*. Классификация и распределение явлений материального мира диктовали соответствующую логику обращения с социальным или наоборот? Представляется правдоподобным лишь то, что эти логики являются *связанными*.

тезисов М. Фуко, знание изолирует нечто (скажем, некоторую патологию), выносит его за скобки, тем самым освобождая общество от него. То же самое относится и к риску: власть *изолирует* его, помещает в узаконенное пространство — и тем самым делает его «приемлемым» или маркирует как «латентное побочное» явление. Дальнейшее обоснование указанного предположения требует специального исследования и выходит за рамки настоящей статьи. Нам было важно продемонстрировать, с одной стороны, возможность (пост)структуралистской интерпретации У. Бека, а с другой — правомерность применения структуралистского подхода к анализу риска⁴³. В связи с этим отметим специфику трактовки риска У. Бекем. Если допущение о структуралистской программе верно, то неудивительно, что для концепции характерен «холистский» уровень анализа социальной реальности. У. Бек говорит преимущественно о макрофеноменах, трансформирующихся в результате «модернизации»: о смене структур влияния и власти, форм политического принуждения, об изменениях институциональной структуры, в том числе призванных регулировать риск социальных институтов, о трансформации социальной структуры общества в целом. Там же, где речь идет об индивидуальных явлениях, неясно, какова связь между ними и динамикой на макроуровне, обуславливающей появление «общества риска». Так, У. Бек пишет, что в обществе риска существует определенная «система неполной занятости» [1, с. 209]. При этом непонятно, как это связано с логикой появления общества риска: являются ли «рискованные формы неполной занятости» причиной или следствием того, что современное общество становится «обществом риска»? Возможно также, что эти два процесса либо параллельны, либо являются следствием общей причины — «модернизации»⁴⁴.

Отметим, что и само понятие риска у Бека оказывается недостаточно проясненным, а термин употребляется в узком смысле: учитываются лишь риски, связанные с технологией и окружающей средой, трактуемые как *непредвиденные угрозы и опасности*. В связи с этим остается открытым вопрос, как соотносится концепция Бека и обрисованный им курс социальных изменений с представлением о риске как действии субъекта в условиях выбора альтернативных вариантов, потенциально способных привести к нежелательным последствиям, и с восприятиями этих последствий. Прояснение связи между макро- и микроуровнем в области анализа риска может быть одной из интересных

⁴³ Подчеркнем еще раз, что мы говорим лишь об одной из возможных интерпретаций концепции У. Бека. Продуктивность иного «прочтения» его работ, на наш взгляд, демонстрирует О.Н. Яницкий (см., например: [22, 23]).

⁴⁴ Именно «модернизация», по У. Беку, «размывает контуры индустриального общества» [1, с. 10], так что оно становится обществом риска, и именно она ведет к специфическим процессам индивидуализации [1, с. 189]. Но может ли быть модернизация «причиной»?

тем для социологического исследования. Если же говорить о программе структурализма, то подобный ход проблематичен, поскольку, как правило, главным фокусом рассмотрения для данной программы являются довольно абстрактные и находящиеся за пределами наблюдаемой действительности механизмы порождения социальных практик. Сторонники данной программы претендуют скорее на раскрытие «скрытых пружин» социальной динамики, предъявляя объяснения, уместные «в конечном счете». Другой проблемой, на которую мы бы хотели обратить внимание, является объяснение вариативности наблюдаемого процесса (скажем, по разным странам), а также происходящих качественных изменений. Например, определение условий, при которых «позитивная логика» производства богатства сменяется «негативной логикой» производства рисков и причин подобного перехода.

Заключение

Основным результатом проделанной работы является констатация факта, что предлагаемый метод выделения социологических элементов из подходов к анализу риска с помощью четырех исследовательских программ имеет право на существование. Этот метод дает возможность структурировать существующее поле рискологических исследований и выявить элементы, на базе которых может быть построена «социология риска». Кроме того, он позволяет поставить вопросы теоретического характера, которые могут представлять особый интерес для исследователей. В этом смысле можно сказать, что результатом применения метода является определение теоретико-методологических перспектив социологии в области исследований риска. Отметим также, что рассматриваемый метод может быть применен к любой исследовательской области, независимо от того, на какой стадии формирования она находится. Очевидно, что в случае анализа при помощи этого метода общепризнанной социологической отраслевой дисциплины, имеющей длительную историю, едва ли имеет смысл выявление социологических элементов. В этом случае целью может быть структурирование исследовательского поля и реконструирование логики развития дисциплины с определением дальнейших путей ее развития.

Наш анализ показал, что в настоящее время практически отсутствуют подходы, которые полностью бы «вписывались» в некоторую социологическую исследовательскую программу и при этом непротиворечивым образом охватывали бы ее содержание⁴⁵. Такая ситуация обусловлена целями, которыми руководствовались исследователи: они скорее всего не претендовали на «социологичность», хотя на многих из них ссылаются как на сторонников именно социологического взгляда на проблемы рисков.

⁴⁵ В меньшей степени это справедливо для функционализма и «культурологического подхода».

Выявление социологических элементов в рассмотренных подходах способствует акцентированию внимания на задачах социологии в этой области. В части эмпирических исследований социологи уже длительное время вносят свой вклад в изучение риска⁴⁶. Наша же цель — понять, чем они как представители *теоретической* дисциплины могут обогатить проблематику рискологических исследований. Настоящая статья, надеемся, и является шагом на пути к этой цели.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000.
2. Бек У. От индустриального общества к обществу риска // THESIS. 1994. № 5. С. 161–168.
3. Быков А.А., Мурзин Н.В. Проблемы анализа безопасности человека, общества и природы. СПб.: Наука, 1997.
4. Вебер М. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 602–630.
5. Воробьев Ю.Л., Малинецкий Т.Г. Философия риска // Катастрофы и общество. М.: Контакт-Культура, 2000. С. 265–295.
6. Гириц К. С точки зрения туземца: о природе понимания в культурной антропологии // Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: ИСО-TEMPUS/TASIS, 1996. С. 89–108.
7. Девятко И.Ф. Модели объяснения и логика социологического исследования. М.: ИСО-TEMPUS/TASIS, 1996.
8. Девятко И.Ф. Социологические теории деятельности и практической рациональности. М.: Аванти Плюс, 2003.
9. Дуглас М. Чистота и опасность: анализ представлений об осквернении и табу. М.: КАНОН-Пресс-Ц, Кучково Поле, 2000.
10. Зубков В.И. Социологическая теория риска. М.: РУДН, 2003.
11. Кравченко С.А., Красиков С.А. Социология риска: полипарадигмальный подход. М.: Анкил, 2004.
12. Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ // Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2001. С. 269–455.
13. Луман Н. Понятие риска // THESIS. 1994. № 5. С. 135–160.
14. Мертон Р.К. Явные и латентные функции // Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Межд. Унив. Бизн. и Упр., 1996. С. 393–461.
15. Мозговая А.В. Риск как социологическая категория // Социология: 4М. 2006. № 22. С. 5–18.
16. Мозговая А.В. Социология риска: возможности синтеза теории и эмпирического знания // Риск в социальном пространстве / Ред. А.В. Мозговая. М.: Институт социологии РАН, 2001. С. 9–37.

⁴⁶ Отметим, в частности, «психометрическую парадигму», в рамках которой были проведены исследования с использованием социологических методов сбора (массовые опросы) и анализа (например, факторный анализ) данных.

17. Рени О. Три десятилетия исследования риска: достижения и новые горизонты // Вопросы анализа риска. 1999. Т. 1. № 1. С. 80–99.
18. Ритцер Д. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
19. Филиппов А. «Общество риска» как политический трактат по фундаментальной социологии // Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С. 366–381.
20. Фридмен М., Свидж Л.Дж. Анализ полезности при выборе среди альтернатив, предполагающих риск // Теория потребительского поведения и спроса. СПб., 1993.
21. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
22. Яницкий О.Н. Модернизация в России в свете концепции «общества риска» // Куда идет Россия?.. Общее и особенное в современном развитии / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М.: Остожье, 1997. С. 37–48.
23. Яницкий О.Н. Социология и рискология // Россия: риски и опасности «переходного» общества. М.: Институт социологии РАН, 1998. С. 9–35.
24. Яницкий О.Н. Социология риска. М.: LVS, 2003.
25. Adams J. Cars, cholera, and cows. The management of risk and uncertainty // Policy Analysis. 1999. No. 335. P 1–49.
26. Adams J. Risk. London: UCL Press, 1995. P. 22.
27. Alexander J. Theoretical logic in sociology. Vol. 1, 2. London: Routledge & Kegan Paul, 1982.
28. Beck U. Risk society and the provident state // Risk, environment and modernity. London: Sage Publications, 1996. P. 27–43.
29. Covello V.T., Mumpower J. Risk analysis and risk management: An historical perspective // Risk Analysis. 1985. Vol. 5. No. 2. P. 103–120.
30. Douglas M. Grid and group, new developments // Workshop on complexity and cultural theory in honour of Michael Thompson, held at the LSE on 27 June, 2005.
31. Douglas M. How institutions think. New York: Syracuse University Press, 1986.
32. Douglas M. Natural symbols: Explorations in cosmology. Harmondsworth: Penguin Books, 1973.
33. Douglas M., Wildavsky A. Risk and culture: An essay on the selection of technological and environmental dangers. Berkeley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1982.
34. Eckberg D., Hill L. Clarifying confusions about paradigms: A reply to Ritzer // American Sociological Review. 1981. Vol. 46. P. 248–252.
35. Eckberg D., Hill L. The paradigm concept and sociology: A critical review // Paradigms and revolutions / Ed. by G. Gutting. Notre Dame, London: University of Notre Dame Press, 1980. P. 117–136.
36. Essays in the sociology of perception / Ed. by M. Douglas. London: Routledge & Kegan Paul, 1982.
37. Kahneman D., Tversky A. Prospect theory: An analysis of decision under risk // Econometrica. 1979. Vol. 47. No. 2. P. 263–291.
38. Klinke A., Renn O. Precautionary principle and discursive strategies: Classifying and managing risks // Journal of Risk Research. 2001. Vol. 4. No. 2. P. 159–173.
39. Pidgeon N., Kasperson R., Slovic P. The social amplification of risk. Cambridge University Press, Cambridge, 2003.

40. *Ritzer G.* Paradigm analysis in sociology: Clarifying the issues // *American Sociological Review*. 1981. Vol. 46. (No. 2. April 1981). P. 245–248.
41. *Schwarz M., Thompson M.* Divided we stand. Redefining politics, technology and social choice. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1990.
42. *Slovic P.* Perception of risk // *Science*. 1987. Vol. 236. P. 280–285.
43. *Slovic P.* Perceptions of risk: Reflections on the psychometric paradigm // *Social theories of risk* / Ed. by S. Krimsky, D. Golding. New York: Praeger, 1992. P. 117–152.
44. *Starr Ch.* Social benefit versus technological risk // *Science*. 1969. Vol. 165. P. 1232–1238.
45. *Thompson M.* The problem of the centre: An autonomous cosmology // *Essays in the sociology of perception* / Ed. by M. Douglas. London: Routledge & Kegan Paul, 1982. P. 302–327.
46. *Thompson M., Ellis R., Wildavsky A.* Cultural theory. Boulder, Colorado: Westview, 1990.
47. *Thompson M., Wildavsky A.* A proposal to create a cultural theory of risk // *The risk analysis controversy: An institutional perspective* / Ed. by H.C. Kunreuther, E.V. Ley. New York: Springer-Verlag, 1982. P. 145–161.
48. *Tulloch J., Lupton D.* Risk and everyday life. London: Sage Publications, 2003.
49. *Zinn J.O.* Literature review: Sociology and risk. Working Paper 1–2004 (SCARR WP1) [online]. Date of access 25.07.2007. URL: <<http://www.kent.ac.uk/scarr/papers/Sociology Literature Review WP1.04 Zinn.pdf>>.